

МАРИЯ
АРБАТОВА

меня
зовут
женщина

Меня зовут женщина

Мария Арбатова

Меня зовут женщина

«ФТМ»

Арбатова М. И.

Меня зовут женщина / М. И. Арбатова — «ФТМ», — (Меня зовут женщина)

ISBN 978-5-457-10808-0

Все это произошло со мной только по той причине, что я – женщина. И пока будут живы люди, не считающие это темой для обсуждения, это будет ежедневно происходить с другими женщинами, потому что быть женщиной в этом мире не почетно даже в тот момент, когда ты делаешь то единственное, на что не способен мужчина. Мария Арбатова

ISBN 978-5-457-10808-0

© Арбатова М. И.

© ФТМ

Мария Арбатова

Меня зовут женщина

В детстве меня пугали бабой-ягой, в юности – гинекологом. Все педагогические оговорки и весь ученический фольклор вели дело к тому, что наиболее хорошенькие и наиболее кокетливые девочки нарвутся на свой страшный суд именно в гинекологическом кабинете.

На помойке за ремонтирующейся поликлиникой валялось списанное зубоврачебное кресло, и весь шестой класс посещал его однополыми группами: мальчики отвинчивали никелированные винтики и гаечки, а девочки репетировали будущую женственность, садясь в кресло с плотно сжатыми ногами, страдальчески задранным к небу подбородком и сложенными на груди руками. Уверенность в том, что кресло – гинекологическое, была столь же высока, что и уверенность в том, что в этом кресле над тобой надругаются не меньше, чем в стоматологическом.

Увиливание от медицинской диспансеризации в старших классах было сложно разработанной технологией, передаваемой из уст в уста; меньшинство не желало обнародовать отсутствие невинности, большинство вынесло из культуры и воспитания, что быть носительницей женских половых признаков стыдно, и относилось к посещению гинеколога как к глубокой психологической травме.

Короче, первый раз я попала к гинекологу, будучи изрядно беременной.

Маман в белом халате ввела меня без очереди в кабинет поликлиники, в которой работала сама, и мой восемнадцатилетний взор обьял металлическое сооружение, необходимость взбираться на которое отличала меня от противоположного пола.

– Мне твои слезы до фонаря! – орала страшная тетка, моющая руки в резиновых перчатках, на бледную молодую блондинку с огромным животом и огромными синяками под глазами. – Я за тебя отвечать не собираюсь! Кого ты мне родишь? Урода? Я точно говорю, я тебе как врач говорю: ты мне стопроцентно родишь урод! – Она прыгнула от раковины и, присев, резиновым пальцем надавила на щиколотку блондинки. – Видишь, какие отеки? Рука по локоть проваливается!

– Я не могу лечь в больницу, – заплакала блондинка в голос. – Мне не с кем ребенка оставить! У меня родители далеко, а муж – пьет...

– Муж у нее пьет! – обратилась страшная тетка к моей маман. – А у кого не пьет? Ваша девочка?

– Дочка, – гордо сказала маман и стыдливо добавила: – Как бы не было там беременности, – тоном, которым она как терапевт говорила о больных «как бы не было там пневмонии» или «как бы не было там инфаркта».

– Чужие-то дети как растут! Помню, она тут в пионерском галстуке по поликлинике бегала! Раздевайся, – махнула тетка резиновой перчаткой в сторону кресла.

– Доктор, миленькая, не могу я в больницу ложиться, он, когда напьется, сына бьет, – заголосила блондинка.

Я начала прилежно снимать свитер.

– Свитер не снимай, джинсы снимай, колготки и трусы, – зашептала маман.

– Как вы мне все надоели! – заорала страшная тетка на блондинку и обернулась ко мне:

– Что ты в кресле сидишь, как в Большом театре? Никогда, что ли, не сидела?

– Никогда, – голосом двоечницы призналась я.

– Ноги раздвинь!

– Как? – испугалась я.

– А как под мужиком раздвигала?! – заорала тетка и ринулась на меня.

– Ну, и от кого же мы беременны? – спросила тетка у маман, копаясь в моих гениталиях.

– Мальчик, студент, заявку подали, – оправдывалась маман без всякого энтузиазма: конечно, ей хотелось зятя покруче.

– И на кого же наш студент учиться? – спросила тетка.

– На певца. На оперного певца, – уточнила маман.

– Певцы, они гуляют, – подытожила тетка свои познания о жанре. – А сама-то?

– В университете учиться, – подсказала маман.

– На кого?

– На философа, – стыдливо призналась маман.

Тетка застыла вместе с руками, по локоть погруженными в меня, и со смесью брезгливости и любопытства на лице спросила:

– Что же это за работа такая, философом? Где же это они, философы, работают? Что же это за семья такая, певец и философ? Сто лет живу, такого не видала!

– Вот именно, – сказала маман. – Пошла бы в медицинский, в юридический.

– Пишу направление на аборт, – резюмировала тетка.

– Конечно, на аборт, – подпела маман. – Куда им дети?

– Это точно, – сказала тетка и, едва сполоснув руки, погрузилась в эпистолярный жанр.

– Надо сначала университет закончить, а потом беременеть, – важно заявила маман, как будто ее кто-то когда-то спрашивал, что вслед за чем делать, и как будто она когда-нибудь хоть чуть-чуть позаботилась о моем образовании в области предохранения.

– Да у них в голове ветер, что бы понимали о жизни, – вздохнула тетка.

– Странно, что она меня не уговаривала рожать, – сказала я за дверью.

– Да она сама пятнадцать абортот делала, – поведала маман.

Мысль о том, что результатом беременности восемнадцатилетней девушки, выходящей замуж за любимого, может быть рождение ребенка, мне в голову не приходила. Высоты философской мысли манили меня сильнее совковой бытовухи, сопровождающей студенческое материнство. Соображения о продолжении рода точно так же не посещали ни моего жениха, ни мою маман. Жених, понятно, был виноват, раздавлен и растерян; но честолубие, связанное с будущими профессиями, помноженное на инфантилизм, вскормленный гиперопекающими матерями, объединяло нас и делало непригодной к размножению парой.

На следующий день я заплела волосы в косы и в страшном синем, не оформленном фасоном больничном халате села в очередь. Подавленные женщины, сидящие на стульях в операционную, крики сиюсекундной жертвы и выведение ее под белы рученьки со всеми мизансценическими подробностями... Она падает, сестры прислоняют ее к стенке и стыдят:

– Вы, женщина, думаете, что вы у нас одна такая? Вон, целая очередь ждет! Давайте быстрее в палату и пеленку толком подложите, кровь-то льется, а убирать некому! Вы же к нам нянечкой работать не пойдете?

Производственная бытовуха; ожидающие женщины, деловито поглядывающие на часики, что они еще сегодня успеют по хозяйству, кроме аборта; устало-злые сестры; надсадный крик из-за закрытой двери... По лицам видно, что все идет как надо, взрослые люди привычно занимаются взрослым делом, и только я, инфантильная дура, ощущаю происходящее в трагическом жанре.

– Под наркозом делают? – спросила я у толстой немолодой бабы, из последних сил придавая голосу естественность.

– Ну ща, под наркозом! – ответила она, шумно зевая.

– А как же? – испугалась я.

– Скажи спасибо, если новокаин вколят. – Баба посмотрела на меня, увидела про меня все и отвернулась с отвращением и фразой: – Молоко на губах не обсохло, а туда же!

– А почему они так кричат, если новокаин колют? – повернулась я к молодой женщине в романтических серьгах.

– Потому что новокаин не на всех действует, – улыбнулась она. – Ты поменьше анализируй, сиди и считай слонов.

– Каких слонов? – взмолилась я, ощущая полную безграмотность и недостойность своего пребывания в одной очереди со взрослыми и опытными.

– Ну, так же, как когда не спится, говори про себя: «Один слон да один слон – два слона, два слона да один слон – три слона, три слона да один слон – четыре слона». Как до тысячи слонов досчитаешь, так и аборт кончится, если, конечно, без осложнений.

На двадцать седьмом слоне выкрикнули мою фамилию.

– Тебе сколько лет, детка? – спросил в операционной пожилой армянин в халате с короткими рукавами, скрестив на груди мощные руки, покрытые мощной шерстью.

– Восемнадцать.

– Первый аборт?

– Первый.

– Не хочет жениться?

– Хочет, просто научная карьера и дети, – вякнула я, чтоб потянуть время.

– Мать есть?

– Есть.

– Кем работает?

– Врачом... – он длинно выматерился по-армянски. – Я не буду тебя сегодня чистить. Первые аборты часто кончаются бесплодием. У тебя целая ночь, чтобы подумать. Я хочу, чтобы ты хорошенько подумала.

Я посмотрела на него с собачьей благодарностью и сказала:

– Я подумаю. И имейте в виду, у меня аллергия на новокаин. – Это было грамотной ложью, которой меня обучила маман вместо того, чтобы обучить предохранению. – Мне можно только под общим наркозом.

– Мы не делаем под общим, но за то, что ты меня послушалась и согласилась подумать, я лично договорюсь с наркологом из другого отделения.

Я выпорхнула из операционной, сияя, и очередь проводила меня тяжелыми больными взглядами. Конечно, я не думала ни о чем, кроме того, что под наркозом ничего не увижу и не услышу, я была обычным нравственным недомерком, и стоимость жизни, которую собралась убивать, ассоциировала только с собственным физическим дискомфортом. Но я делала это в компании людей, приучивших меня к тому, что «так надо», и готова была разделить с ними ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.